Кузин Анатолий Тимофеевич – канд. ист. наук, доцент ГОУ ВПО «Тихоокеанский государственный экономический университет» (филиал г. Южно-Сахалинск). Тел.: (4242) 79 62 32

К истории первого на Северном Сахалине национального корейского сельского Совета (1925 – 1930 гг.)

Статья посвящена совершенно не исследованной в научном плане проблеме существования единственного национального корейского сельского совета на Северном Сахалине после освобождения его от японской оккупации в мае 1925 г. На основе архивных документов делаются нетрадиционные выводы о политических настроениях местного населения, показываются особенности формирования местных советов с участием корейцев – бывших японских подданных.

Ключевые слова: Северный Сахалин, японская оккупация, корейцы, национальный сельский совет, советская власть.

Сахалинское корейское сообщество с течением времени вызывает всевозрастающий общественный интерес. Опубликованные материалы порождают самые разноречивые мнения и объяснить это можно лишь тем, что еще очень мало известно об исторических судьбах сахалинских корейцев. Но коль скоро существуют различные взгляды, значит историческая наука ещё не дала достаточно аргументированных ответов. Восполнить, в той или иной мере, незавершенность исследования – именно такой целью задался автор статьи, поставив в центр научного изучения особенности формирования и функционирования первого на острове Сахалине корейского сельсовета.

Процесс установления советской власти на Северном Сахалине после освобождения его от японской оккупации в мае 1925 г. [1] проходил довольно сложно. Различные общественные силы и исторические условия участвовали в порождении и утверждении нового строя.

Остановка для развертывания работы предопределялась:

- во-первых, присутствием японских консульских служб, оставленных для окончательного решения вопроса о деятельности угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине;

- во-вторых, полным неведением местного населения о действительном положении Союза ССР и сущности советской власти;

- в-третьих, наличием значительного количества мелких дельцов и торговцев, беженского и авантюристического элемента, состоявшего еще недавно на оплачиваемой службе у японцев или в порядке добровольного сотрудничества;

- в-четвертых, население, подверженное умышленно-провокационной дезинформации со стороны японского командования, как бы продолжало жить прежней оккупационной жизнью, но только в тревожном и скрытом ожидании предстоящих новых перемен.

В целом, представление о советской власти у местного населения было слишком туманное, и оно на первых порах занимало выжидательную позицию. Испытав на себе оккупационный режим, многие боялись осуждать его открыто, так как не верили в долговечность советской власти.

Что касается корейского населения, то оно пережило смену японского оккупационного режима по-своему. В основном, наблюдалось лояльное отношение к Советам. Но представление о них было еще более смутным, чем у туземцев, а уровень классовой сознательности и политического мышления находился на ужасно низкой ступени. В своей совокупности социальный статус корейцев можно определить так: ярко выраженные представители маргинальных слоев человеческого общества, потерявшие связь со своей исторической родиной: одни – по принуждению, другие – ради выживания, третьи – просто как деклассированные элементы. Почти все корейцы Северного Сахалина после окончания японской оккупации были безработными, а потому не скрывали своего желания быть под защитой советской власти.

Такова была обстановка накануне первых выборов в Советы в июле – августе 1925 г. Учитывая специфику Сахалина, а именно – малочисленность и территориальную разбросанность селений, трудности транспортных связей, Президиум ЦИК СССР установил особый порядок формирования местных Советов. Они образовывались в селениях, насчитывающих 100 и более человек, а ниже этой нормы – сельские общества [2]. При наличии путей сообщения допускалось объединение нескольких селений для выборов общего сельсовета. Устанавливалась норма представительства – один депутат от 25 человек населения, но число членов Советов не должно было превышать 25 человек. Советы и сельские общества избирались сроком на один год [3].

Списки избирателей составлялись как по районам, так и по отраслевым профсоюзным группам: работники рыбной, угольной и нефтяной промышленности, сельского и лесного хозяйства, торговли, коммунальной службы, морских портов, просвещения, медучреждений, связи, транспорта. Причем, в списки избирателей, учитываемых по линии профсоюзов, заносились и взрослые члены семей, независимо от характера и сферы их трудовой занятости.

Каждый избиратель получал персональное приглашение в виде специальных повесток, которые вручались не позднее, чем за пять дней до выборов. По месту работы это делали уполномоченные от коллективов, а по месту жительства – сотрудники милиции. Все, имеющие избирательные повестки регистрировались по, так называемому, "явочному листу". При этом, регистрация русских, граждан китайской и корейской национальностей была отдельной. В ряде мест избирательные повестки были трех цветов, каждый из которых предназначался отдельно для членов профсоюзов, членов их семей и для неорганизованных избирателей.

До выборных собраний шла проработка кандидатур в будущий состав Советов. Их списки выставлялись и до, и в ходе собраний. Причем, чаще

всего раздельно: от партийных ячеек, комсомола, профсоюза, крестьянских слоев, женщин, одиночек. Там, где достигалась общая договоренность, кандидатуры выдвигались единым списком. Собрания проходили под председательством уполномоченных окружного партийного бюро и Сахалинского ревкома. Кандидатуры выкрикивались по списку, затем шло обсуждение, давалась характеристика их положительных и отрицательных сторон. Порядок голосования строго не регламентировался и определялся самими избирателями. В большинстве случаев оно было персональным, хотя в ряде мест проходило списком. Подсчет голосов производился президиумом собрания или специально избранными счетчиками.

Особо следует сказать о лишении избирательных прав. Такая мера предусматривалась действовавшим в ту пору законодательством и применялась в отношении использующих наемный труд, живущих на нетрудовые доходы, на служителей церкви, полиции, на частных торговцев и коммерческих посредников, а также контрреволюционных элементов. Позднее получение директив не позволило заблаговременно пересмотреть списки избирателей [4]. В результате, от выборов были устранены лица и не чуждые советской власти. В отношении корейцев не удалось установить фактов лишения их избирательных прав по вышеназванным причинам. Однако большая часть из них не смогла принять участие в выборах в связи со своей принадлежностью к иностранному подданству.

Рыбновский район являлся единственным на Северном Сахалине, где корейцы проживали компактно. Поэтому именно здесь в августе 1925 г. был сформирован первый местный национальный орган советской власти – Наумовский сельский Совет, объединивший два корейских селения – Наумовку и Кефь, – на территории которых проживало 214 корейцев [5].

Время для выборов оказалось неудачным: сенокосная пора и рыболовный сезон отвлекли большинство населения. Вот, что сообщал уполномоченный Сахалинского ревкома, И.Н. Плютач: "Почти по всему району собрания приходилось созывать вечером между 8 – 9 часами и до 12 [часов] или 1 часу … потребовались 21 сутки, но ввиду приезда катера "Пограничник" 25/VIII с.г. выборы были закончены на 3-е суток раньше. Три последних Совета пришлось избирать в течение суток … и выборы проводить … до 3-х часов ночи" [6].

В состав корейского сельсовета было избрано 10 человек, а возглавил его ставший председателем Ким Алексей. Наиболее грамотные организовали красный уголок, читали для других политграмоту, занимались обучением на родном языке в школе, которую посещали 29 детей. Жизненную поддержку оказывал комитет крестьянской взаимопомощи, в составе которого находилось 10 корейцев. Но, как сообщалось в одном из отчетов Сахалинского ревкома, корейцы не показывали своей настоящей физиономии из-за старой боязни японских жандармов [7].

В ходе выборов серьезных осложнений не произошло. В условиях, когда шел третий месяц советизации острова, у населения еще не хватало смелости выступать против местных богатеев, так как оно находилось от них

в экономически-бытовой зависимости. Однако желание не допустить их "влезания в Советы" существовало, пусть даже оно и было скрытым, затаенным и молчаливым. Подход был один: "Не мы, дескать, вас не допускаем, а власть".

В ноябре 1925 г. прошло первое совещание председателей сельских Советов, сельских обществ и комитетов крестьянской общественной взаимопомощи, где констатировалось, что низовые советские органы сформированы из представителей различных национальностей и понемногу включаются в практические дела, в строительство новой жизни [8]. На Торжественном собрании по случаю празднования 7 ноября 1925 г. выражались солидарность с политикой советской власти и готовность "… усердно бороться с капиталистами и империалистами всего мира …, сливаясь под красным знаменем русских рабочих" [9].

Отмечая годовщину установления советской власти, Сахалинский ревком констатировал, что "задачи советизации получили хотя и начальное, но практическое разрешение" [10], а корейское население приняло в праздничных мероприятиях "живое и горячее" участие. Это в полной мере можно отнести и к оценке деятельности Наумовского корейского сельсовета, который помогал "… без особого административного нажима … выправлять неправильности на местах, тем самым … углубляя советизацию Сахалина" [11].

Однако наблюдались и перегибы. К примеру, случалось, что на выборные собрания не допускались те, кто уклонялся от общественной работы, проявлял "слабое радение к своему хозяйству", а также "деревенские горлопаны", чья активность не совпадала с интересами власти. В то же время, сельсовету удавалось не допускать характерных для других селений фактов проведения накануне выборных и других общественно-политических кампаний тайных встреч недовольных советской властью, организации блоков враждующих между собой семейственных групп, экономического нажима зажиточных на бедноту при составлении списков избирателей и налогоплательщиков, а также массовых гулянок в целях спаивания и задабривания бедноты. И, что особенно важно, благодаря усилиям сельской власти среди корейского населения, в отличие от русского, почти не наблюдалось случаев открытого недоверия к советской власти, распространения слухов о ее недолговечности и скором возвращении японцев на Северный Сахалин [12]. Не раздавались голоса, заявлявшие, что "уполномоченных по выборам надо по одному ловить и убивать", "советская власть не дает жить и ее надо уничтожить", что "коммунистам следует покаяться перед богом, пока не поздно" [13].

Исторические факты убеждают, что к началу 1930-х годов национальный сельский Совет сумел объединить все общественные силы на подведомственной территории, направляя их на успешный путь хозяйственного и культурного строительства. Выдвигаемые жизнью задачи решались путем проработки их на заседаниях сельсовета, взаимной проверки знаний каждым членом сельсовета своих прав и обязанностей, а также путем

ознакомления граждан с наиболее важными распоряжениями советской власти, применяя к уклоняющимся от поручений "установленные меры воздействия". Повышению ответственности способствовали отчетные доклады, которые "разделялись между несколькими членами сельсовета", а также заслушивание сообщений местных организаций.

Особое внимание уделялось кооперативному строительству. Проводились специальные кампании по вовлечению в члены кооперативов, что помогало привлекать средства населения в паевые и иные капиталы. Создавались общества потребителей, лавочные комиссии по распределению товаропродуктов. Налаживалось взаимодействие с сахалинским кредитным товариществом "Труд", факториями "Дальгосторга", "Охотсоюзом".

На территории Наумовского корейского сельсовета существовали государственные и кооперативные рыбалки, служившие единственным источником средств к существованию. Многие корейцы работали по найму у рыбопромышленников или в одиночку. Судя по докладу инспектора труда Г.М. Поплавского, обработка рыбы производилась под открытым небом. Рабочие места в ночное время освещались керосиновыми лампами и карбидовыми фонарями. К засольным помещениям рыба доставлялась на тачках, носилках или просто на рогульках. Рыбаки жили в неотапливаемых сараях. Столовые и кухни – самые примитивные. На все рыбалки имелся один фельдшер, а на рыболовный сезон отпускалось только 300 гр. йода [14].

Существовали и другие трудности, преодолеть которые у сельского Совета не хватало ни сил, ни возможностей. На процесс советизации в Рыбновском районе, в целом, накладывал отпечаток тот факт, что в прошлом здесь царили беспробудное пьянство и отчаянная темнота. После японской оккупации сюда устремились и нашли пристанище бежавшие с материка: различная белогвардейская публика, уголовники, мародеры, сектанты, спекулянты и контрабандисты. По оценке Сахалинского окружного бюро ВКП(б), население Рыбновского района представляло "всякий сброд и пёструю смесь", было "подвержено картам и водке". А потому признавалось необходимым очистить его "от враждебного элемента, отсортировать всё плохое [15]. Как никакой другой, Рыбновский район был совершенно оторван от окружного центра – г. Александровска. С ноября по июнь связь вообще прерывалась, а в летнее время можно было добраться на катере не менее, чем за 40 часов или приходилось связываться по телеграфу через самый северный сахалинский город Оху. Из-за частых срывов завоза товаропродуктов среди населения царило паническое настроение.

В 1930 г. прошла очередная кампания по выборам национального корейского сельсовета. Как и прежде наблюдались вялость и отсутствие заметного интереса со стороны избирателей. В значительной мере это объяснялось положением дел в самом Совете. Получаемые им директивы оставались неизвестными населению. Руководство Совета перекладывало свои функции на общие сходы граждан, а порой подменяло правоохранительные органы. Не проявлялось твердости в пресечении кабальных сделок, незаконных фактов продажи земли.

Картина рисуется еще рельефнее, если иметь в виду, что входящие в состав Наумовского корейского сельсовета корейцы, в большинстве случаев, были предоставлены сами себе, а будучи безграмотными, заметного влияния на работу Совета не оказывали, и он не являлся в полной мере работоспособной ячейкой советской власти. Но, все же, на нем лежала ответственность за установление революционного порядка и проведение в жизнь советских законов.

Выдвижение национальных кадров в значительной мере сдерживалось незнанием русской грамоты. Поэтому корейцы были не в состоянии знакомиться с письменными директивами, а следовательно, и выполнять их. Сказывались и национальные обычаи, когда корейцы старшего возраста запрещали своим детям избираться в состав руководящих советских органов, заявляя: "Не желаю подчиняться сыну, я – хозяин".

В качестве общих выводов можно сделать такие:

Первое. После освобожденииия от японской оккупации Северный Сахалин характеризовался "в общем и в целом как округ, только что начинающий жить и развиваться" [16]. Особенностью Сахалинского округа являлось то, что здесь одновременно существовало два вида советских органов власти: на окружном и районном уровнях действовали революционные комитеты, а на местах – сельские Советы. Организационное оформление советского аппарата завершилось к началу 1930 г. Количество сельских Советов увеличилось с 27 до 37 [17], а число национальных корейских осталось без изменения, что обусловливалось компактным проживанием корейцев только в Рыбновском районе.

Второе. Констатировалось как "отрадный фактор" – пробуждение активности туземок и кореянок, хотя часть мужского населения противилась стремлению женщин выйти из вековой замкнутости и изолированности от общественно-политической жизни.

Третье. Острой борьбы за власть не происходило ввиду того, что заметного классового расслоения сахалинского населения еще не наблюдалось. Открытых столкновений удалось избежать.

Четвертое. Впервые в истории, выйдя на поприще общественной деятельности, корейский национальный сельский Совет очень робко нащупывал линию своей работы и приспособления к новым, незнакомым формам коллективного руководства и административного управления, нередко терялся в своей роли в установлении связи с населением и разрешении задач местной жизни. К тому же, несмотря на рост общественной активности, часть населения смотрела на работу сельского Совета с недоверием, а те, кто избирался в его состав, считали, что отбывают некую повинность.

В целом, сельскому Совету удалось заложить основы для развития местной жизни на социалистических началах, а его работа признавалась правильной как по линии политической, хозяйственно-промысловой, так и культурной.

В связи с депортацией корейцев в районы Средней Азии и Казахстана в 1937 г. Наумовский корейский сельский Совет был ликвидирован.

После освобождения Северного Сахалина от японской оккупации минуло 85 лет. Попытки идеализировать советское прошлое бесплодны. Но и нигилизм в отношении к нему тоже не может быть приемлем. Всякие утверждения, что советская власть не принесла существенных перемен в решении национального вопроса, есть не что иное, как искажение действительности с целью нагнетания националистических страстей. Вперёд можно идти, лишь признавая правду Истории.

Литература и источники:

1.СЦДНИ (Сахалинский центр документации новейшей истории). –Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 15 – 16.

2.Под сельским обществом понималось одно или несколько населенных пунктов, где в совокупности проживало не более 100 человек. – СЦДНИ. – Ф. П-4. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1.

3.СЦДНИ. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1.

4.СЦДНИ. – Ф. П-2. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 85 – 86.

5.СЦДНИ. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 88.

6.СЦДНИ. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 179.

7.СЦДНИ. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 177.

8.Социалистическое строительство на Сахалине (1925 – 1945 гг.). Сборник документов и материалов. – Южно-Сахалинск, 1967. – С. 74.

9.СЦДНИ. – Ф. П-1. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 255.

10.СЦДНИ. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 1з. – Л. 4.

11.Государственный архив Сахалинской области. – Ф. 267. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 64.

12.СЦДНИ. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 1з. – Л. 75.

13. СЦДНИ. – Ф. П-2. – Оп. 2. – Д. 95.

14.СЦДНИ. – Ф. П-2. – Оп. 2. – Д. 63. – Л. 428 – 429.

15.СЦДНИ. – Ф. П-2. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 105, 109.

16.СЦДНИ. – Ф. П-2. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 41.

17.СЦДНИ. – Ф. П-2. – Оп. 2. – Д. 21. – Л. 42, 85.